

вследствие его снисхождения, а их большого благочестия, до сих пор платили установленную меру, вместо десятины. Точно так же идумеи и лэтты, не ходившие на войну и не оскорблявшие святыни веры, ежегодно и до сего дня платят, вместо десятины, первоначально установленную четырьмя епископами меру; но те из них, кто ходили на эту войну или гонцов посылали, или пошли, но вернулись с дороги, или хоть коней в поход оседлали, уплатили своим судьям деньги в возмещение.

Пришли в Ригу также лэтты из Аутинэ и принесли жалобу епископам на вен-денских братьев-рыцарей об обидах, ими нанесенных, и об отнятых ульях. И выбрали посредников, и вынесен был приговор, что лэтты, дав присягу, могут получить обратно во владение свои ульи, а братья-рыцари, присягнув, получают поля, но за оскорбление должны вознаградить лэттов достаточной суммой денег. Король Владимир с теми же лэттами пришел в Аутинэ и оставался с ними, исполняя обязанности судьи, до окончания обмена, причем братья-рыцари предоставили замок Кукенойс целиком епископу, сами же, вместо третьей части Кукенойса, снова получили во владение Аутинэ. Королю Владимиру предоставлено было судейское место зятя его Теодериха в Идумее, так как сам Теодерих отправлялся в Тевтонию.

В это время пришли литовцы в Кукенойс и просили мира и пропуска к эстам. И дан был им мир и проход разрешен к еще не обращенным эстам. Тотчас явившись с войском и мирно пройдя через землю лэттов, они вступили в Саккалу, захватили и перебили много мужчин, взяли все их имущество; женщин, детей и скот увели с собой и с большой добычей вернулись другой дорогой в свою землю. И были в негодовании на них тевтоны за то, что они разорили Саккалу, уже покорившуюся епископу; те же отвечали (да это и было правдой), что эсты все еще выступают, подняв голову, не повинуюсь ни тевтонам, ни кому другому.

Пятнадцатый год епископства Альберта

На пятнадцатый год своего посвящения (1213) глава ливонской церкви вернулся в Тевтонию, поручив замещать себя достопочтенному епископу рацебург-ской церкви Филиппу. Это был весьма праведный человек и по благочестию и по всей своей жизни; очи и руки его всегда были простерты к небу, его неутомимый дух постоянно пребывал в молитве. Любя рыцарей, поучая клириков, заботясь о ливах и тевтонах с лаской и большим вниманием, он и словом и примером весьма прославил новую церковь среди язычников. И отдохнула немного церковь в те дни от тягостей войны, хотя страх был повседневный и внутри и извне из-за коварных и злоумышленных начинаний ливов и эстов, желавших зла тевтонам и городу Риге.

Литовцы, не заботясь о заключенном с тевтонами мире, пришли к Двине и, вызвав некоторых из замка Кукенойс, метнули копье в Двину в знак отказа от мира и дружбы с тевтонами. И собрали большое войско и, переправившись через Двину, пришли в землю лэттов, разграбили их деревеньки и многих перебили; дойдя до Трикатуи, захватили старейшину этой области Талибальда и сына его Варибулэ, а затем перешли Койву, у Имеры застали людей по деревням, схватили их, частью перебили и вдруг со всей добычей повернули назад.

Когда же увидел Рамеко, что в плен ведут отца его и брата, поднялся он со всеми лэттами, а с ними вместе и Бертольд венденский с братьями-рыцарями, и пошли они вслед за литовцами. Подойдя уже близко к врагам, но боясь, что отца его убьют, если напасть на них с тыла, Рамеко повел свое войско другой обходной дорогой, но литовцы заметили это, поспешно бежали и скрылись. Когда они переправились через Двину и уже подходили к